

Оставляя землю.

Трагический балаган русской жизни.

Действующие лица:

Мейерхольд - вождь Театрального Октября
Есенин - русский новокрестьянский поэт
Зинаида - великая русская актриса
Маяковский - выдающаяся фигура русского футуризма
Троцкий - представитель левой оппозиции внутри ВКПб
Ленин - создатель первого в мировой истории социалистического государства
Крупская - партийный и общественный деятель
Отец Народов - Великий Вождь Советского государства
Чайки - представители живой природы

Ярмарочные персонажи:

Зазывала
Ротозей
Раёшник
Карусельный дед
Поводырь
Медведь
Народ - таран истории
Петро Иванович Уксусов - тот самый Петрушка

Действие 1.
Очень весело!

СЦЕНА 1.

Солнышко, солнышко, выглянь в окошечко!
Твои детки плачут, серу колупают,
черному медведю по ложке,
а самим ни крошки...
(детская прибаутка)

Россия. Базарная площадь.

Зазывала. Пельцины! Лимоны! Пельцины! Лимоны! По грушу варёну-у!
Кому пирог из лягушечьих ног, с луком, с перцем, с собачьим сердцем?
Такой редкий предмет, что ни одного таракана в нём нет!
Народ. Да чёрт ли в нём?!

Зазывала. Чёрт, чёрт с рогатиной - тем рогом и чешишь! А вы, девки - паренёк, айда сюда! Кому такое мыльце, чтобы намылить рыльце? Кому такое мыло, чтобы на четверть в тело входило??

Народ. Белей воды буду?

Зазывала. Сперва синий, как китайка, потом жёлтый, как инбирь! Экой ты поперечливый - как непростая баба!

Народ. Чем непростая?

Зазывала. Бородой обрастая! Кого побрить, постричь, усы поправить, молодцом поставить, а нет - так и совсем без головы оставить?.. Лысые, плешивые, люди счастливые, духи и помада - кому чего надо? Забавы ради! Что спереди - повесим сзади!

Народ. Торчат, как пугало в горохе? Охти мне!

Зазывала. Да тебе - и бородавка телу прибавка! Лотерея, лотерея! Разыгрывают два еврея! Красного дерева диван, на котором околевал дедушка Иван! И антично, и практично, и розентабельно, и коннонабельно!

Народ. Сколько просишь?

Зазывала. Чего не жалеешь?

Народ. Голи-голечи!

Петро Иванович Уксусов. Голь с полтиной, да в придачу дубина с горбиной!

Громкий удар.

Мерзкий хохот, конское ржание, хруст костей.

Зазывала. Ходи, не виляй, сам себя испытай! Как ты силён, как ты малосилен! Бити, колотити - всякому занятно, всякому приятно! Раз, два - упала гора! Последняя новинка – живая мурзилка! Ай да игрушка! И потешная, и безгрешная! Не бранится, не ругается – физкультурой занимается!

Ротозей. А что надо делать?

Зазывала. Ходи до силомера. Видишь, чурки стоят? Выбирай себе деревянного Вантю - и лупи, что есть мочи. Ну, по голове его – лясь! Пять копеек с тебя.

Ротозей. Почему я?

Громкий удар.

Народ. Ай да пушка! Раз – да по нас!

Зазывала. Всегда без пороху! Всегда без промаху!

Народ. Болит! Везде болит! Здесь больно! Там больно! Больно! Больно!

Петро Иванович Уксусов. Молчи, когда бог убил!

Мерзкий хохот, конское ржание, хруст костей

Ротозей. Смотрите, что они делают?! Деревянная кукла с большим носом бьёт другую куклу – и все смеются...

Зазывала. Так ведь это Петро Иваныч Уксусов!

Ротозей. Почему все рады, когда кого-то бьют?

Зазывала. (*хохочет*) Так ведь это очень весело!

Ротозей. Эта кукла, она вообще всех бьёт: доктора, будочника...

Зазывала. Смотри дальше, сейчас ее самая собака загрызет, и вообще никого не останется! Разве это не смешно? (*хохочет*) Друзья сердечные, тараканы запечные! Петухи-синицы и прочие птицы! Ведь бы на ярмарке, а не на каторге, гуляйте милые, чего уж там!

Народ. Здесь такие чудеса, ажно дыбом волоса...

Поводырь выводит в толпу Медведя с выколотыми глазами – чтобы своей дурашливостью не пугал Народ.

Поводырь. Гляди-ка Михайло Иваныч, народ собрался - подивиться, твоим потяпкам поучиться! Полно босоты - изувешены шесты! От, покажи им, шельма, как цари-бари в каретцах телесами трясут? Шилды-булды, шивалды! Уф! Сломался кузовок, стал ни вдоль ни поперёк! А ну-те, Мишенька, нескучный медведь, покажи, как господа застряли - поганым задом меж людей! Вставай - подымайся, ворочайся - нагибайся! Ну, кто храбрей? Пихнём, что само не катится! Бей с носка, вспоминай Москву!

Никто не решается, Поводырь сам толкает медведя.

Поводырь. Кутнем по-барски, рыгнем по-царски! Заяц чёрный, лебедь медвяной! Жги, ври, говори! Покажи Мишенька, как нашего мужика в рог гнут, езжалыми прутьями бьют, человека на пот прошибают?.. Эх раз, по два раз! За солёные лимончики, за пупки осетровые! А как бабы на барщину здоровые идут, перешибленные возвращаются?? Так покажи, чтоб здесь у каждого на лбу клеймо загорелось: “выродок рабочего класса”!!

Народ (*волнуется*) Товарищ, зорче!

Поводырь. Зяблики под взваром, тетери под шафраном! Ходя наешься, стоя выплещись!

Народ. Бей громилу, товарищи!

Поводырь. Стойте, погодите!

Народ. Разоблачим врага под любой маской! Выбирай в туземный совет трудящихся, не пускай шамана и кулака!

Поводырь. Щади божью тварь!

Народ. Крючь его! Рабочим нечего терять, кроме своих цепей!

Народ сплочённой массой, движется на медведя, тот встает на дыбы.

Поводырь. (*испуганный, отпускает цепь*) Нуте Михайло Иваныч, разгони народ!

Народ. Все на защиту! Уничтожим гада! Он несёт рабство, голод и смерть! Не бывать этому! Мы не рабы, рабы – не мы! (*бросается на медведя, разрывает его на части*) Вперёд, товарищи! Да здравствует солнце, да

скроется тьма! За пролетарский парк культуры и отдыха! Да здравствует
Мировой Октябрь!

*Народ с криками «Ура», треща уродливой погремушкой, покидает место
действия. Сокрушая всё на своём пути и продвигаясь к мировым победам.
Появляется Петро Иванович Уксусов*

Петро Иванович Уксусов. *(скучным голосом)*. Ермишки – поблудишки...
Тимошки – баламошки... Натальи – каналы... Евдохи – затетёхи... Айда,
господа. Тары-бары, растабары. Еды, вещи, прочие товары. *(с заговорщицким
видом)* Есть предметы, чтобы скрыть приметы... *(приподнимает маску -
Поводырь)* От носа до ушей из папье-маше!

Мерзкий хохот, конское ржание, хруст костей.

СЦЕНА 2

Россия, Петербург. Весна 1917 года.

Чайки над Невой.

Чайка. Цеквод!

Чайка. Главупрвод!

Чайка. Срочное сообщение!

Чайка. Улица заговорила!

Чайка. Движение трамваев приостановлено!

Чайка. Хлеба! Хлеба!

Чайка. Всякие скопища запрещены!

Чайка. Хлебушка!

Чайка. Хлебца!

Чайка. Дума мямлит!

Чайка. Всякое сопротивление власти будет немедленно подавлено силой
оружия!

Чайка. Мир сошёл с ума! Мир гибнет на глазах!

Чайка. Маскарад! Маскарад!

Чайка. Трагический маскарад русской жизни!

Чайка. Премьера! Галлюцинация!

Чайка. Тусклые мертвецы! Милые призраки!

Чайка. Страсти у игорных столов!

Чайка. Театр полон и торжественен!

Чайка. Почти не слышно, как стреляют!

Чайка. Ворота триумфа открыты!

Чайка. Пунцовый свет!

Чайка. Проклятье!

Чайка. Катастрофа!

Рогозей. Билет надо было достать любой ценой! Нашёл барышника, отдал
всё, что имел - 25 рублей. Ещё за три месяца билеты расписаны, переписаны,

проданы... Последний спектакль Российской Империи! Я был там! Был на “Маскараде”! Я попал... У подъезда - автомобили черными сплошным рядами - всё богатство, вся знать... Сделал несколько шагов, когда неожиданно где-то рядом затрещал пулемет. Бегу. Кто-то упал и задергался в судорогах... Революция...

Моё возбуждение ещё больше усилилось, когда в фойе театра услышал, что поблизости только что был убит шальной пулей студент. Какой он, опишите? Были при нем документы? Вдруг я могу его знать, может, мы вместе ходим... ходили на занятия... В суматохе и общем возбуждении никто меня не слышал, все проходили будто сквозь меня, шли действительно сквозь меня - в зал, скорее в зал. И вот — зал, ярко освещенный, и всё происходящее движется, как во сне...

Сначала поднялся один занавес, искусно намалёванный, потом другой, ещё более искусно намалёванный, за ним третий, четвёртый... Да сколько их? Стали мелькать костюмы, один другого замысловатей, маски, одна другой чудней. Свечи в зеркалах, золотая лепнина, блеск в люстрах и лазуревые вазы... В публике с почтением передают, что одна только часть декорации обошлась в восемнадцать тысяч рублей! Что вся постановка стоит сотни тысяч... И мне стало страшно. Страшно, что в трёх верстах отсюда люди кричат “хлеба!”, а городовые за семьдесят рублей суточных поливают голодных из пулемётов. Страшно сидеть на этом мёртвом “Маскараде”, среди масок живых мертвецов. И этот ужас перед чем-то грозным, неизбежным, что вот-вот сейчас произойдет...

Неизвестный, зловещий Неизвестный! Тревожный фантом с птичьим клювом. Сколько новых масок он несет под своим плащом, сколько их? Сколько можно масок... Барышне с соседнего места было плохо видно, она поднялась и пересела на мое. Тогда я понял вдруг, что это меня нет. Меня не было на “Маскараде”... И нигде, и больше не будет. Но я решил досмотреть. Из задней двери вышел скелет в треуголке, прошёл по авансцене - и ушёл в дверь. Кончилось.

Аплодировали стихийно, неистово!

Какой-то князь, вручал на сцене золотой портсигар с бриллиантовым орлом, зачитывал письмо от самого императора, но я уже...

Фантом покидает землю

Чайка. Цеквод!

Чайка. Главупрвод!

Чайка. Срочное сообщение!

Чайка. Газеты не вышли!

Чайка. Кончились беспорядки! Началась революция!
Чайка. Появилось первое красное знамя!
Чайка. Долой правительство! Да здравствует республика!
Чайка. Казаки с нами!
Чайка. Враг свой!
Чайка. Пьяные солдаты стреляют в народ!
Чайка. Комбед!
Чайка. Ревком!
Чайка. Исполком!
Чайка. Маскарад!
Чайка. Успех небывалый!
Чайка. За кулисы, скорей!
Чайка. Где постановщик?
Чайка. Кто Мейерхольд?
Чайка. Мы хотим видеть Мейерхольда!
Чайка. Как попасть к Мейерхольду?
Чайка. Сюда! Здесь Мейерхольд!
Чайка. Растрепанный, взбудораженный, взвинченный!
Чайка. Удивительный! Неповторимый! Невозможный!
Чайка. Единственный на свете!
Чайка. Bravo! Bravo! Bravo!

*Восторженные крики чаек накрывает холостой выстрел с крейсера
«Аврора»*

Чайки. *(вместе)* Левым шагаем маршем! Всегда вперед, вперед!
Мейерхольд, Мейерхольд наш товарищ! Товарищ Мейерхольд! Вперед
20 лет шагай, Мейерхольд! Железобетонный атлет! Ты Эдисон
триллионов вольт! Мейерхольд, Мейерхольд, Мейерхольд!

СЦЕНА 3

*Россия. Базарная площадь.
Мейерхольд и Маяковский на Гигантских шагах*

Мейерхольд. Идём!
Маяковский. Идёмидём!
Мейерхольд. Не идём, а летим!
Маяковский. Не летим, а молньимся!
Мейерхольд. Бог-человек!
Маяковский. Боже из мяса!
Мейерхольд. У него руки!
Маяковский. У него лапы!
Мейерхольд. Рычаги-и! *(голос уносится)*
Маяковский. Махина машинного тела, явись! Паровозы, на митинг!
Мейерхольд. Дорогу-у! *(голос уносится)*

Маяковский. Дорогу дорогам!

Мейерхольд. Мы строим глобус, Володя! Зайди сегодня – это такое удовольствие!

Маяковский. Для мистерии? Мой глобус?

Мейерхольд. Ишь чего захотел! Коммунистический!

Маяковский. Я захотел коммунистический!

Мейерхольд. Коммунистический глобус не может быть твой!

Маяковский. Кто целовал меня – знает: нет слюны моей слаще сока. Ещё прекрасный красный язык! Тебе, пролетарий!

Мейерхольд. У нас теперь новый герой, новое действующее лицо – масса! Пролетарская масса! Справишься?

Маяковский. Душу выну, растопчу – чтоб большая! Пусть несёт, окровавленную, как знамя! Единый Иван, клятвенное единокровье!

Мейерхольд. Мы пришли, миллионы!

Маяковский. Миллионы голодных тупых скотов!

Мейерхольд. И ныне, и присно, и во веки веков!

Маяковский. Единокровье какой цвет имеет?

Мейерхольд. *(отталкивается)* Немаркий.

Маяковский. *(отталкивается)* Нечистый?

Мейерхольд. *(отталкивается)* Нечистый и немаркий.

Маяковский. А балагану хочется-а! *(голос уносится)* На радость глазам больших детей!

Мейерхольд. *(подлетает опять и опять)* Будет радость небывалая, Володя! Пролетарская радость! Мы им глобус прямо под ноги выкатим! Чтоб прямо у ног сидящей в первом ряду рабочей массы поднималось земное полушарие! Как её, массы, продолжение...

Маяковский. *(отталкивается)* Вздую?

Мейерхольд. *(отталкивается)* Вздубим!

Маяковский. *(отталкивается)* Вздудыри-им!

Мейерхольд. *(летает)* Вот он придет такой, с завода, усталый, закоптелый... а мы ему: Товарищ! Вот трудовой паек тебе – кусок земного шара! Отныне только так расплачиваться с рабочим! И утомленный, он почувствует, что нету в нем усталости...

Маяковский. Вертеться будет?

Мейерхольд. Зачем фокусы? Сами крутить будем! У всех на глазах, в рабочем порядке вращаем Землю! Никаких священнодействий, всё насквозь проглядывается, как в цеху! Кулисы, занавес – сорваны, коробку сцены – на слом...

Маяковский. На пепельницы – черепа!

Мейерхольд. Кстати, ты спрашивал, что в прологе? В прологе Нечистые в клочки рвут афиши петербургских театров!

Маяковский. Дикий разгром!

Мейерхольд. Легко! Всего-то делов – раздолбить эту замочную скважину, пусть вековую!

Маяковский. Постой, погоди, дай гляну напоследок! Что там такое белеет, сударь? На сцене - женщина или подушка?

Мейерхольд. Стыдно, сударь – как не узнал? Это же полное слияние реалистического и фантастического! Су-ударь?!

Маяковский. Су-ударь! Вы правый! Слияние полное! Не будь Лэди – Макбетом, а ваша кресла - человечьему мясу оправой!

Мейерхольд. Скрип имперских кресел говорит о том, что зал оживился?

Маяковский. Хорошая у вас киятра, сударь! И дреманешь, как нужно, и посудачишь!

Мейерхольд. Приходи почаще! В мягкое сиденье вклеим, к замочной скважине придвинем, да еще и свет выключим, чтоб не краснел! А там... одеваются!

Маяковский. *(отталкивается)* И раздеваются?

Мейерхольд. *(отталкивается)* И опять одеваются!

Маяковский. *(отталкивается)* Тёти Мани?

Мейерхольд. *(отталкивается)* Дяди Вани!

Маяковский. Приду обязательно! Осоловелыми глазками на чужую роскошь похлопать – отчего не сходить? А ничто, что рожа в саже?

Мейерхольд. Да ничего! В темноте не видно же! Небось, только что от машины оторвался? Пот стереть, огурец откусить...

Маяковский. После смены я-а! *(улетает)*

Мейерхольд. Ну вот, посидишь, отдохнешь.

Маяковский. *(пародируя)* Посиди-ишь-отдохне-ешь... Слово «пролетариат» чули? Ему грандиозное надо!

Мейерхольд. Да тише ты, не греми! Покейфуй, пофлиртуй... Татр человеку зачем?

Маяковский. Долой сардиночный унылый быт! Давай грандиозное!

Мейерхольд. И что у нас, мурзилок, грандиозное?

Маяковский. Даёшь небо летучему пролетарию!

Мейерхольд. Небо? Есть у нас небо! Только величина советской поэзии Владимир Маяковский так всё устроил, что жрать облака рабочему несущественно!

Маяковский. А вот ведь, Сева, незадача. Как ни шуми в гремящем гимне - фабриками и лабораториями – кудлатый божик в народном шкапу – нет-нет, да отзывается!

Мейерхольд. Это потому что величина советской поэзии Владимир Маяковский зовёт его нюхать души своей незабудки.

Маяковский. Нет, не зову. Я просто сообщил всем что он придёт и понюхает.

Мейерхольд. Так ты зови, зови на премьеру!.. Про что говорили? Значит, рай. В раю летают не то пузырьки не то пряники – розовые, малиновые, голубенькие такие, веселые и тошнотворные...

Маяковский. И чтоб заунывное дребезжало!

Мейерхольд. Дребезжало святейшее, нуднейший хорал!

Маяковский. А где ходить можно?

Мейерхольд. Межпланетное пространство застроим снизу доверху, вокруг и позади полушария, и чтобы переплёскивалось через порталы в бельэтаж!...

Маяковский. Пернатые с лесенок не попадают?

Мейерхольд. За пернатых беспокоишься или за шахтёра с прачкой?

Маяковский. Вашим рябчикам, сэр, петрушки в клюв или масла в зад?

Мейерхольд. *(отталкивается, улетает)* Сэ-эр??

Маяковский. *(отталкивается, улетает)* Сэ-эр!

Мейерхольд. За меридианы держаться всем! По горизонтали, по вертикали, по диагонали, во всю ширь обозрения – канаты меридианов...

Маяковский. И в каждой пятерне - мира приводные ремни!

Мейерхольд. И как осколки Вселенной, завоёванной трудом - рассыпем по ломам Вещи...

Маяковский. Расскажи теперь, как будем завоевание электрифицировать?

Мейерхольд. *(останавливается, тяжело дышит)* Тут нужно некоторое решение экономии, а то, вроде как, мы аппетитом превосходим допустимые нужды.

Маяковский. *(останавливается тоже)* Как так? Это же Земля Обетованная! Город радостного труда! Человеку грядущее должно светить, изобиловать! Он, может, пришел недельный пот отоварить этим плакатом электрофицированного завтра! Где колёса вертятся, шары загораются... Или скажут – не по номиналу?

Мейерхольд. *(вздыхает)* Ты же знаешь, как сейчас эта телега едет, на голом железе колёс. Скажут: покрывки – буржуазные излишки.

Маяковский. *(нервничает)* А я шоферюге такому: товарищ, ты почто технику насилуешь?!

Мейерхольд. А он тебе: товарищ, давай мы сами как-нибудь! По-нашему, по-советскому!

Маяковский. Уважай труд машин, товарищ, – будет по-советскому!

Мейерхольд. А тебе чего ж по ухабам железом греметь не весело? А?

Маяковский. *(задумался)* Хорошо...

Мейерхольд. Хорошо?..

Маяковский. Недавно Блока встречал – грелся у костра возле Зимнего. Спрашиваю его: «Нравится?» Он говорит: «Хорошо...» А потом говорит: «У меня в деревне библиотеку сожгли». Вот это «хорошо» и «библиотеку сожгли».

Мейерхольд. *(бурчит)* Чёрти что...

Маяковский. *(перебивает, отталкивается)* Чёртовых чертей где размещать планируешь?

Мейерхольд. *(спохватившись, тоже отталкивается, снова набирает высоту и вдохновение)* Ад строим внутри глобуса, вырежем, как в арбузе, дольку. В нужный момент вырезом к залу разворачиваем - а там недра багрово-зеленые, со сталактитами, и черти из люка вылетают... Черти, девки, акробатика! Все в красном, в судорогах веселья!

Маяковский. И под застольные песни!

Мейерхольд. Набираю в ад преимущественно циркачей. Задача искусства должна быть бодрящей! Создавать что-то, что не даст возможности рабочему впадать в утомление и!

Маяковский. Сомнение!

Вдруг путаются верёвками и врезаются друг в друга.

Мейерхольд. *(распутывает верёвки, весело)* Да что прыгуны, трюкачи, букашки преисподние - когда так смело выкатился к массам под ноги Шар Земной? И ад, и рай – они мизерные по сравнению с земным царством, игралищем настоящей человеческой борьбы!

Маяковский. Сева!

Мейерхольд. Приходи к нам сегодня, Володька! Я чувствую, ты мне очень и очень нужен.

Маяковский. Сева, буду играть, можно?

Мейерхольд. *(уводит Маяковского, обняв за плечо)* Кого ты хочешь играть?

Маяковский. Человека просто.

Мейерхольд. Человека будущего?

Маяковский. Его...

Пропадают из виду.

Зазывала. Граждане-сударики! Девки-паренёк! Не проходите мимо! Атракцион «Гигантские шаги»! Прыжок над землёй – летать летишь да и сесть не хочешь!

Народ. Отвяжись худая жизнь, привяжись хорошая-а-а... *(голос уносится)*

Зазывала. Богатое упражнение “па де жиан”! Для развлечения и укрепления физического строю!

Троцкий. Смотрите – задом сверкает! Штаны треснули! Ах умора!

Зазывала. Ахал бы дядя, на себя глядя!

Троцкий. Вы не так поняли! Это ничего страшного! И ни в коем случае не довод против советского режима! Все переходные эпохи характеризовались подобными же трагическими чертами! Напряжённость борьбы всегда причиняет участникам ещё больше лишений и страданий, чем те, против которых они восстали!

Зазывала. Э брат, да я погляжу, у тебя нос - чёрт семерым нёс...

Троцкий. *(с непониманием, трёт нос)* Что? В чернилах, да?

Петро Иванович Уксусов. *(подкрадывается с дубиной сзади к Троцкому)* Нос – не укора, упадёшь – подпора!

Громкий удар.

Троцкий *(поднимается, размазывает кровь)* А вы серьёзно, против терроризма? Очень зря! Кто хочет цели, тот не может отказываться от средства! Раз задача социалистического переворота требует диктатуры - значит, диктатура должна быть обеспечена во что бы то ни стало! Это же единственная форма, в которой пролетариат может осуществлять государственную власть! Ну так?

Петро Иванович Уксусов. (удивлённо) Ещё как!

Громкий удар.

Троцкий (*встаёт снова, как ни в чём не бывало*) Вот! О чём и речь! Борьба должна вестись с таким напряжением, чтобы действительно обеспечить единовластие пролетариата! Кто отказывается принципиально от терроризма, тот должен отказаться от политического господства рабочего класса! А кто отказывается от диктатуры пролетариата, тот ставит крест на социализме! Ещё давай!

Петро Иванович Уксусов. Крепкий закал!

Громкий удар.

Мерзкий хохот, конское ржание, хруст костей.

Действие 2. Влюблённые

СЦЕНА 4

СССР, Москва, 1921.

По переулку идёт странная фигура. Если приглядеться – становится понятно, что под красноармейской шинелью два человека.

Зинаида. Вот эта шинель, Сева, меня раздражает.

Мейерхольд. Почему, Зиночка?

Зинаида. Ну что это за наряд фронтовика, впавшего в маразм?! Гимнастёрка, фуражка, голифе? Да ещё и этот шарф краснющий.

Мейерхольд. Ну ты ещё про фотографию Ленина приколотую скажи что-нибудь.

Зинаида. Какой-то хамский стиль, бесцеремонный!

Мейерхольд. Всё раздражает?

Зинаида. Ну всё раздражает! Вот эта твоя манера головой двигать, как на шарнирах, и чтобы плечами не двигать. Глаза тоже.

Мейерхольд. Глаза на шарнирах? (*смеётся громко*)

Зинаида. Белёдые - раздражают. Вот ты сейчас засмеялся картонно – я сморщилась. Потом будешь говорить – и остановишься резко, на таком неожиданном месте.

Мейерхольд. И всю эту гадость приходится любить?

Зинаида. Если тебе надо...

Мейерхольд. Навсегда надо! Как две половинки одного сладкого спелого яблока, вкусного яблока...

Зинаида. (*вздыхает*) Я очень надеюсь на тебя, Севочка. Ты обещал – и мне теперь приходится тебя любить.

Мейерхольд. Конечно, я обещал. Сразу, как увидел там, в секретариате, за пишущей машинкой, вишни-глаза...

Зинаида. Хоть помнишь, что?

Мейерхольд. Что-что? Помню, вижу – музу моей революции: стриженную и в сапогах...

Зинаида. Что обещал, помнишь?

Мейерхольд. Сделать из тебя лучшую актрису России, конечно.

Зинаида. Я сегодня слышала: «Хоть бы скорей её зарезали!»

Мейерхольд. Брось, актёры говорили про этуод «Удар кинжалом».

Зинаида. Нет, они про меня!

Мейерхольд. Сегодня делали «Удар кинжалом!»

Зинаида. Нет! Они говорили, что моё лицо круглое, как тарелка, а зад величиной с ресторанный поднос при подаче на компанию.

Мейерхольд. (*смеётся*) Великолепное лицо!

Зинаида. А ноги...

Мейерхольд. И ноги, достаточно длинные для переодеваний!

Зинаида. Ноги кривые ходят по земле и сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку... И потом сразу: ну скорей бы уже её зарезали!

Мейерхольд. Зина, брось! Тебе всюду кажутся ножи. Сыпнотифозный бред.

Зинаида. Но я видела, правда видела! Из твоего сердца торчали ножи...

Мейерхольд. Ты выздоровела, моё сердце тоже.

Зинаида. Я уверена, сейчас кто-то наблюдает за нами.

Мейерхольд. Пускай же! Зачем тебе думать об этом?

Зинаида. Я думаю только о том, как ты сделаешь из меня большую актрису и я уйду от тебя, поступлю в Московский Художественный и закручу головокружительный роман.

Мейерхольд. О, это очень трогательно!

Зинаида. Сева, я боюсь, что никто, кроме тебя не считает меня одарённой актрисой.

Мейерхольд. (*смеётся*) Тебе этого не достаточно?

Зинаида. Но тогда меня не возьмут.

Мейерхольд. Что за несчастье!

Зинаида. Убери свои пальцы длинные паучьи, они меня раздражают.

Мейерхольд. Ну до чего хороша!

Зинаида. Сева, я не хочу, чтобы женщины приходили к нам.

Мейерхольд. Только мужчины?

Зинаида. Только мужчины.

Мейерхольд. Ты перестанешь кричать?

Зинаида. Я буду кричать меньше. А как ты сегодня орал на меня! Ты слышал, как?

Мейерхольд. Я орал от имени Революции.

Зинаида. Мейерхольд, ты бог.

Мейерхольд. Мейерхольд-Райх.

Зинаида. Мейерхольд-Райх?!

Мейерхольд. Да, я беру твою фамилию.

Зинаида. Мейерхольд-Райх, я сейчас почувствовала длинную замечательную жизнь. Как будто попутешествовала в сумасшедше замечательную страну...

Мейерхольд. Зина, вернись. Нам предлагают углублять реализм.

Зинаида. Это твоя ирония пискнула мне в рот? Ужас!

Мейерхольд. Будем Островского в могиле ворочать. Задачу сверху задали - "Назад к Островскому".

Зинаида. Островский?! Фу!

Мейерхольд. Что фу?

Зинаида. Играть слезливую девицу сентиментальную...

Мейерхольд. Да ты пьяна! У меня есть красное платье для тебя. Ворвёшься в прошлое из настоящего! Нарождающейся силой, зачатком человека, могущего быть полезным делу революции!

Зинаида. Ты собираешься одним красным платьем завесить всё замшелое тряпьё? А что тогда останется?

Мейерхольд. Ну что обычно остаётся? Великий русский балаган! Вскроем соотношение классовых сил: помещики с зелёными волосами, бр-р! Весь золотой священник...

Зинаида. Зеленые парики?!

Мейерхольд. Бороды враждующего класса раскрасим тоже! Так, чтоб переливались...

Зинаида. Нас на карантин закроют.

Мейерхольд. Все успеем! Ты приуныла?

Зинаида. Сева. Послушай. Зачаток человека полезный, красный... Это очень хорошо! Это очень нужно...

Мейерхольд. А что не так, Зиночка? Что не очень хорошо?

Зинаида. Помнишь, Сева, я просила тебя... Дать мне что-нибудь... густое, эротическое!

Мейерхольд. Чтобы много мужчин.

Зинаида. Только я и мужчины.

Мейерхольд. И много одежды.

Зинаида. Да-да, много мужчин и много платья!

Мейерхольд. Гражданка!

Зинаида. Или это несовременно...

Мейерхольд. Партийка!

Зинаида. Нет, если это совсем несовременно...

Мейерхольд. Товарищ!

Зинаида. Хватит меня стыдить!

Мейерхольд. Комсомолка! Тётка!

Зинаида. Сева!

Мейерхольд. К станку! К лопате! *(смеется долго и громко)*

Тают в вечерних огнях

СЦЕНА 5

СССР, Москва, 1920-е

Государственный театр имени Мейерхольда.

Зинаида и Мейерхольд у зеркала.

Зинаида. Вот такая юбка, до талии разрез! Неужели американки так по улицам и ходят? Как вы это себе представляете, глубоко эротично? Я прилетаю на своём самолёте, американка, в такой юбке любоваться руинами Европы. А он просто мой лётчик. И я не знаю, что он будет делать! Мой лётчик. Он что-то такое придумал, я ещё не знаю, что за трюк. Он уже придумал себе костюм, весь кожаный - пальто кожаное, перчатки, краги, о мой кожаный... Сева, ну не лезь! Я намерена говорить с тобой серьёзно... Вот, я думаю: в этой юбке выйду - они забудут обо всём! И вот мы прилетели, пропеллер шумит, мы вышли - все хлопают. Конечно, Мейерхольда на сцене видят, сезон удался! В афише заявлено: "с участием Мейерхольда". И вот, они видят этого кожаного Мейерхольда - и ждут, какой будет трюк. И я жду. А ты что? Стоишь и смотришь на мою ногу. Вот эту в чулке. Смотришь на ногу и всё. Руками разводишь. Почему они хлопают? Что смешного?

Мейерхольд. Товарищи, за костюм я не отвечаю!

Зинаида. Хорошо, это маленькая шутка, но мне надоело уже стоять с этой ногой! А ты ничего не делаешь. Мне надоело, что они смеются с одной этой ноги. Я вообще-то жду твоей реплики, что ты там приготовил. Ты что, не понял, что я жду?

Мейерхольд. А ты не поняла, что я просто вышел посмотреть твою чудесную ногу?

Зинаида. Сева, отстань! Это не смешно вообще! Люди пришли, полный зал, билеты задорого раскупили. Чтобы посмотреть, как ты смотришь на чудесную ногу?! Ну хорошо, но ты же должен был почувствовать всё равно, что мне надоело, что я жду! Я жду твоей реплики - что ты там приготовил. А ты ничего! Вот я разуверилась, развернулась и пошла играть сцену с Кирилловым.

Мейерхольд. Ну, я полетел!

Зинаида. Полетел, так полетел... Сева, ты со сцены ушёл, а они всё не понимают! От этого твоего "участия Мейерхольда". Наверно, радуются, как лихо ты их одурачил. Хохочут, хлопают - играть невозможно! Я такая злая на тебя!

Мейерхольд. Нам ведь нужно было собрать аншлаг...

Зинаида. И что?! Стоял, как истукан, ни слова не вымолвил!

Мейерхольд. Зиночка, но ты же не дала мне реплику.

Зинаида. Что-о? Может это ты должен был дать мне реплику?!

Мейерхольд. Нет, Зиночка, ты подошла ко мне и хотела что-то сказать.

Зинаида. Я и сказала!

Мейерхольд. Ничего не сказала!

Зинаида. Я сказала: "Ну же, ну!"

Мейерхольд. Я не знал, что это есть вся твоя реплика.

Зинаида. Не хитри пожалуйста!

Мейерхольд. Я видел, что ты хотела мне что-то сказать.

Зинаида. Ничего я тебе не хотела сказать! Ты просто забыл слова.

Мейерхольд. Да, забыл, забыл. Ты права...

Грустная пауза.

Зинаида Сева, ты уволил актёра Охлопкова?

Мейерхольд. Конечно уволил.

Зинаида. Тебе же нравилось с ним работать.

Мейерхольд. Дальше это не представляется мне возможным.

Зинаида. Что он утворил?

Мейерхольд. Я предложил актёрам разобрать роли, кроме главной. И когда он узнал, что Гамлета будешь играть ты, то заявил, что он будет играть Офелию.

Зинаида. Уму непостижимо! Охлопков - Офелию!

Мейерхольд. Конечно, конечно.

Зинаида. Совершенно правильно ты сделал. Бабанова ушла тоже?

Мейерхольд. Уволил. Для меня твоё счастье превыше всего.

Зинаида. Да, ей больше хлопали. Такой голос хрустальный...

Мейерхольд. Теперь ты - первая актриса.

Зинаида. И мне, безусловно, стало намного спокойней, когда Гарин ушёл. А то было такое впечатление, что ты строил этот театр для Гарина.

Мейерхольд. Я действительно каждый раз спешил на репетицию окрылённый, ожидая встречи с ним...

Зинаида. Ну конечно, никак невозможно было такого актёра уволить, даже после того, как его жена вылила мне на голову кувшин воды!

Мейерхольд. Необыкновенно образованный, умный человек... Хорошо, что ушёл сам.

Зинаида. Из-за творческих разногласий?

Мейерхольд. Из-за творческих разногласий.

Зинаида. Актёр Ильинский?..

Мейерхольд. Из-за творческих разногласий. На этот раз, окончательно.

Зинаида. Что ж, это их выбор, конечно...

Мейерхольд. Вчера, когда смотрели новый фильм Эйзенштейна, я немного опечалился, вспоминая о нём. Серёжа первый ушёл от меня.

Зинаида. Ну это же понятно! Он сразу стал самодостаточным мастером, начал делать собственные постановки в студии - зачем ему нужен был ты? Я это увидела! Это было как озарение, такая ясная мысль. Я тогда оторвала от афиши полоску и написала ему "Серёжа! Когда Мейерхольд почувствовал себя самостоятельным художником, он ушёл от Станиславского"...

Мейерхольд. Ты так написала ему?

Зинаида. Да, по дружбе! Я почувствовала, что это нужно сделать, пришёл важный момент... И потом, Сева, будем говорить честно, Эйзенштейн был без ума от тебя!

Мейерхольд. С чего ты, Зиночка?!

Зинаида. Я никого никогда так не боготворил...

Мейерхольд. Брось!

Зинаида. Я недостоин развязать ремни на сандалиях его...

Мейерхольд. Просто я люблю страстные ситуации и строю их себе в жизни.
Зинаида. (*выставляет из разреза юбки ногу в чулке*) Мейерхольд! Учись у Райх!

Действие 3
Оставляя землю

СЦЕНА 6.

Дайте солнце ночью! - Где найдёшь его?
Купи в ГУМе - ослепительно и дёшево!
(советская реклама лампочки)

Россия, Базарная площадь.

Небольшой ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с диковинными картинками.

Раёшник (*к подбородку привязана льняная борода*) Ходи, люд божий, покрытый рогожей! Тут я, развесёлый потешник со своей потешной панорамой! Картинки верчу-поворачиваю, божий люд обморачиваю... Оп!

Народ толкается, льнёт к стёклам.

Раёшник. Извольте, извольте! Смотреть и рассматривать, глядеть и разглядывать! Не петух-не соловей, тут портрет жены моей! Извозчики ругаются, очень лошади пугаются. От прелести - лести сяду и я на месте! Фосфорическая женщина, гладкая без трещины! Может, и есть одна, да вам не положена... Прилетела делегатка, кулёма - астронавтка! Светится идеями революции изнутри - кому не видно, посмотри. Вертеть не дам - дама неповоротливая, неуклюжая, совершенная мечта! Футуристическими бликами переливается, двадцать четыре часа не выключается! Самых лучших отбирает - и несет с собой в коммунистический век...

Народ. (*выдыхая*) Товарищи, каким бы не было будущее - оно прекрасно!

Раёшник. Теперь извольте видеть, господа, Андермандир штук - хороший вид. Театра голая стоит. Показывает пролетарию любопытную сцену - вот эту кирпичную стену! В ней два гробовых окна - и ни холера в них не видна. Ещё колесо деревянное - все хлопают, как окаянные! А вот две клетки - одна круглая, другая нет, и рядом сомнительный предмет - чёртов стул: под бедным человеком то пружиной собирается, то ломом разлетается.

А вот, извольте видеть, господа, Андермандир штук - другой вид! Шпатель рабочего в небе висит. Не то ероплан, не то забыл какой-то болван. Внизу народ стоит озабочен - зачем тут цилиндр на куб приколочен?.. Товарищ

режиссёр! В любой непонятной ситуации выводи на сцену красноармейский отряд. Даёшь революционный репертуар!

А это, извольте смотреть рассматривать, глядеть и разглядывать, фигура-скульптура Пролетариус Механикус! Что сие значит? Один у другого на шею скачет! Комбинация-машинерия рук и ног: согнул товарища - разогнуть не смог! Что зазря разгибать - можно снова поскакать. А чтоб девица не скучала - разбери и собери её сначала. Коли много девиц собрать - можно их в пирамиды сооружать, выйдет экономия места, а поди найди, где твоя невеста. На верхушке дискбол - бросил диск, а куда - не нашёл. Признаться ему стыдно - вот и бросает дальше то, чего не видно. А вот его такие же товарищи - из невидимых предметов стреляют, невидимым предметом убивают! В квадратную одежду облачаются, вместе с колёсами вращаются, катятся куда-то - не то завод, не то на Марс. Даёшь искусство пролетарских масс!

Подходит Крупская.

Крупская. Почём зрелище?

Раёшник. По копейке с рыла, Надежда Константиновна.

Крупская. *(таращится в стекло)* Что такое?! Мартобря какое-то...

Раёшник. Гляди, баба, замысловатое!

Крупская. Но это противно законам природы!

Раёшник. Противно когда пукли фальшивы, а головы плешивы. А тут всё видно - никому не обидно! Вот он крутит колесо, вот сам стены двигает.

Крупская. Эти нарочито грубые, цилиндрические комбинезоны...

Раёшник. Эх, бабы, бабы - всё вам в тряпках, в шляпках, зелёных подкладках...

Пристыженная Крупская отходит от косморамы и смазывает выбившуюся прядь редких волос растительным маслом.

Крупская. Превращать пролетария в бездушного робота! Порождение машинерии безликого урбанистического царства! Немыслимо! Так их беспокоит наличие идеалов у пролетариата! Подвести под культ машин молодое советское общество! Жулики!

Петро Иванович Уксусов. *(с удовольствием наблюдает за ней всё это время)* Где жулики? От я им задам!

Крупская. Задай, задай, давно пора. *(нервно зачёсывает волосы в строгий пучок, как подобает советской женщине)* Мало им, видите ли, Великого Октября - нужен ещё Театральный! Театральный октябрь, театральный вождь! Вождь пролетарских театров - Мейерхольд! Вот ведь, не унимается, расторможенный. И это после его долгого плаванья по мистическим морям символизма! Все эти декадентские приёмчики - масочки, балаганчики...

Петро Иванович Уксусов. А вы, pardon, чего делаете?

Крупская. *(приглаживает причёску масляной рукой)* Чтоб не кудрявились... тьфу, сбились опять. И эти псевдоноваторские фальсификации - ритм механического мира, аппараты движения, утратившие всякое человеческое обличье, безликая однородная масса... А тут у нас, значит, - "коллективный опыт чистого пролетария"! Коллективно кричат, коллективно декламируют, коллективно двигаются совершенно одинаково одетые люди! Кто тут чистый пролетарий, покажите мне? Они все одинаковые. Или они все один большой чистый пролетарий?!

Петро Иванович Уксусов. Правильно, подавай много маленьких и грязных!

Крупская. Нет, это вообще что-то времён упадка буржуазии.

Петро Иванович Уксусов. Ну а что тогда? Шишкин лес?

Крупская. Да хотя бы!

Петро Иванович Уксусов. Шишкин лес интересен только шишкиным мишкам. Что скажете, например, если на каком-нибудь знаменитом портрете вырезать нарисованный нос - и вставить живой?..

Крупская. *(ошарашена)* Нос?!

Петро Иванович Уксусов. Нос, нос!

Крупская. Слушай. А причём тут мишки вообще? Театр - не искусство! От него ничего не остаётся, никаких вообще иероглифов!

Петро Иванович Уксусов. Извольте, мадам!

Крупская. *(сквозь зубы)* Товарищ-щ...

Петро Иванович Уксусов. Ну почему, почему вы думаете, товарищ, что у театра ничего нет?! Театр искусство уже с того момента, как на сцену брошен божественный материал! И театр становится чем-то большим, когда актёр начинает придавать божественному материалу в себе ту новую форму, какой человеку от природы не дано!

Крупская. Ну вот, народный дурак, а сам туда же. Знаю, знаю эти новые формы! Организованный человек, махистская идея! А на деле - просто пассивная масса! И, конечно, есть герой с большой буквы, пророк... На кубе стоит и простуженным голосом вещает. Буржуазный культ личности, как он есть! И это презрительное отношение к народу. Я сразу всё поняла! Каков спекулятор, да? Свои символистские выкрутасы нарядил в квадратные маски - опа, тебе! - архиреволюционное новаторство! Цирк, просто цирк! У него, кстати, и актёры по проволоке ходят, да-да!. Приходишь в театр - а там актёры по проволоке ходят. Думаешь, что ли я в цирк пришла?!

Петро Иванович Уксусов. *(заскучал)* А зачем вообще пришла?

Крупская. Я, между прочим, в театр пришла, посмотреть что-то глубоко полезное из жизни, что может помочь пролетарию осознать свои классовые задачи, выработать классовое сознание! А тут вместо сцены - дыра! Клетки и палки валяются. И театральные плотники, как дома, ходят: взад-вперед, взад-вперёд. Не поймёшь, началось уже действие или еще нет.

Петро Иванович Уксусов. *(поглаживает дубину, участливо)* Та-ак! И дальше?

Крупская. Потом вдруг эта женщина, подобрав прозодёжную юбку, съезжает с наклонной плоскости на том, на чем женщины и мужчины сидят!

Женщина мужчине чистит зад платяной щеткой! Женщина на плечах у мужчины ездит!

Петро Иванович Уксусов. Так это биомеханика! (*радостно готовит дубину*)

Крупская. Ах это ещё и как-то называется! Что женщина на мужчине ездит.

Петро Иванович Уксусов. Да, именно - биомеханика!

Крупская. Нет, у меня это называется: презрительное отношение к народу! А я выражаю линию партии! Где я в жизни видела такую женщину?! Чтоб платяной щёткой, мужчину... И не надо мне её видеть! В совершенной дыре, посреди колёс каких-то и лома.

Петро Иванович Уксусов (*загадочно*) Как ты думаешь, товарищ, зачем я стены раздавил?..

Крупская. (*испугана*) Что?! Зачем?

Петро Иванович Уксусов. Чтобы твоё сморкание вдохновляло меня! (*замахивается дубиной, Крупская перехватывает*)

Громкий удар.

Мерзкий хохот, конское ржание, хруст костей.

Крупская. Чёрт неврастенический... (*победоносно*) Вот так опошляются и извращаются идеи пролетарской революции! Так поэтизируется образ предателя дела народа! Так утверждается идея сговора народа с его врагами!

У ящика с любопытными картинками по-прежнему толпится Народ, к нему скромно прибивается Ленин.

Крупская. Володя! Я же тебе настрого запретила выходить без меня!

Ленин. (*радостно смеётся*) Как здесь интересно, Наденька.

Крупская. Что интересного, Володенька? Это же возмутительное спекулянтство!

Ленин. Как ты говоришь...

Крупская. Я выражаю линию партии.

Ленин. А вот мне было интересно, Наденька! Когда император с ночным ведром.

Крупская. Володенька, иди отдохни.

Ленин. У императора живот схватило - и ему ведро принесли с огромным вензелем двуглавого орла...

Крупская. Володя, ты сегодня не ел горячего.

Ленин. Он в мундире, при всех регалиях, садится спиной... И тут - "Бо-оже, царя храни"... Оркестр гремит, свита под козырёк! Как это было весело, Наденька!

Крупская. Володенька, ступай супу поешь. Тебе уже положен отдых.

Ленин. (*подходит к космораме*) Ещё, одним глазком, Наденька...

Крупская. Погляди, погляди, Володенька, как закалялась сталь к двадцатилетию Октябрьской революции.

Раёшник. (*энергично вращает каток с картинками*) Павка Корчагин поднимает комсомольцев на работу. Комсомольцы голодные и рваные, лежат на нарах, не верят в строительство ветки и не слушают Павку Корчагина. Тогда Павка Корчагин начинает плясать один в тишине и корчиться в судорогах посреди барака. Павка Корчагин даже не подпевает себе! Комсомольцы смотрят на него с нар и ритмично гремят кулаками. Потом слезят с нар, дружно пляшут тоже, и потные идут на труд.

Ленин. (*дрожащим голосом*) Как прекрасно жить на земле... Умер один — иди вперед! Умер другой — снова иди вперед!

Крупская. И какую замечательную жизнь построят своими руками эти парни, а, Володя?

Раёшник. Павка Корчагин в цеху борется с вредителем. Вредитель швыряет Павку Корчагина на приводной ремень, включает ток. Ремень начинает подниматься, Павка Корчагин, распятый, возносится.

Ленин. (*истошно*) Держи его, Надя! Он же народный герой!

Крупская. Успокойся, Володя, просто шатание мысли. (*заглядывает в стекло*) По авансцене проходит девушка, изнасилованная взводом красноармейцев - о?

Раёшник. Павка Корчагин собирается на партсобрание, где громят оппозицию, но никак не может найти дверь, тычется во все углы и спотыкается о стулья. Павка Корчагин слепой.

Ленин. (*плачет*) Немедленно! немедленно возьмите факты, изучите ошибки и тогда устраните их!

Крупская. Пойдём, пойдём... (*оттаскивает рыдающего Ленина и ведёт домой*). Жалость - это пережитки прошлого.

Уходят. Также и Народ лениво разбредается

СЦЕНА 7

*Россия, Базарная площадь.
Гул неведомого механизма.*

Народ. Что за шум? Что за гром небесный?

Зазывала. Круговращения машины шестерён! Огнедышащий коней скок, вихри из-под бедр! Испытайте наслаждение прокатиться! Подымайтесь на ходячий круг, скородвижную десницу! Сажайтесь на спины диковинных зверей! Устремите зрак с гремящего верха!

Мейерхольд и Маяковский на карусельной машине.

Маяковский. Солнце моноклем вставь в растопыренный глаз - видеть идущего через горы времени, которого не видит никто!

Мейерхольд. Как никто? Ведь Араратов нету!

Маяковский. Никаких вообще Араратов! Мне кажется, мы победили...

Мейерхольд. Тогда почему вперёд идущего не видно?

Маяковский. Да ты попробуй увидь! Обломков наколотили - горизонт завален! Лезем выше, выше по обломкам! Вперёд, через самую высочайшую высь - из вселенной моль выбивать!

Мейерхольд. Не в обломках дело. Вот товарищ говорил: видел я вашего пророка - и он меня не убеждает, потому что стоит на кубе.

Маяковский. А если я его на чемодан поставлю? Это будет большей реальностью? Никакого реального пророка, как вы его ни ставьте, вы все равно не получите! Пророк - это ерунда, на что вы его ни ставьте! Даёшь памятник красному мясу!

Мейерхольд. Ещё товарищи просят прекратить издевательство над покойными авторами!

Маяковский. Так поприветствуй их от имени смердящих трупов - да так реально, чтоб не просили больше!

Мейерхольд. Это уже становится опасным, Володя. Это уже не просто подобранность штиблета к каждому пальцу. Вот например, эпизоды разложения буржуазии. Такие реалистичные стали, что у любителей порнографических картинок слюнки текут.

Маяковский. *(с наигранным воодушевлением)* Да ты что! Где посмотреть??

Мейерхольд. И зритель - с восторгом, в упоении! - смотрит на оголенных женщин, танцующих фокстрот. И с удовольствием слушает джаз!

Маяковский. Ну ещё бы! Бабы! Блюда!

Мейерхольд. Не кажется ли тебе, что на этой теме происходит самый откровенный обход запретительных директив Главреперткома?..

Маяковский. А вы, простите, из какой организации?

Мейерхольд. Володя, серьезно! Идет колоссальная борьба!

Маяковский. А сам неужто без удовольствия глазел?

Мейерхольд. О том и речь! Борьба гораздо более сильная, и гораздо более хитрыми способами она ведется.

Маяковский. *(хохочет)* Если агитпроп теперь так буржуев показывает - не смею представить, что у нас в положительном эпизоде!

Мейерхольд. А там у нас, Володя, теперь туман, темнота, слякоть - и бродят скучнейшие резонеры.

Маяковский. *(горячится)* Это коммунары скучнейшее?! Да разве бывает гром немотую болен? Скольких - в ключья, скольких - в дым! Смерть товарища - бессмертье коммунизма!

Мейерхольд. Вот! Вот, с чем родилась песнь Интернационала! А где теперь то бодрое восхищение - которое было в минуты выступления вождей Коммуны, в дни неустанной работы энтузиастов революции?.. Где мечта, помогающая человечеству предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы?! Где революционная романтика?! Отчего совсем не показываются на фоне революционных боев люди с улыбками на лицах! Которые в самую трудную минуту загораются огнем наивной детской радости! Никто не знает такого революционера - идущего на смерть с улыбкой на лице! Как Ленин, который в самую трудную минуту борьбы способен был улыбаться...

Маяковский. Постой, постой. Вот мне, допустим, скучно. Покажи – кому это я попутчик?!

Мейерхольд. (*шёпотом*) Лжеударники...

Маяковский. Да как же?!

Мейерхольд. Смотри. Ударная наша задача?

Маяковский. Ударная!

Мейерхольд. У других наших товарищей пролеткульта какие задачи?

Маяковский. Ударнические!

Мейерхольд. И тут, откуда ни возмись это стремление - помахивать лозунгами лишь для того, чтобы отбыть необходимую повинность...

Маяковский. Что ещё за возня? Где не сбита морда быта?

Мейерхольд. Возня, Володя, шевеление! Шумиха интриганского порядка. Это и мешает нам объединиться на крепко проверенной и четко марксистской линии! Это и мешает нам ударить нашей работой по нашим классовым врагам! Сейчас, когда нужно строиться, создавать зарядку в массах! Насыщать пролетария крепчайшей волей к борьбе! Чтобы он видел во весь рост поставленную перед ним задачу, чтобы трепетал в жизнерадостном подъёме...

Маяковский. Рояли тащить на улицу! Барабаны багром вытаскивать! Чтобы брюки трещали! Чтобы грохот был, чтобы гром! Детское, звериное, великое, копеечное! Приподнялось, выпрямилось, идёт, идёт...

Карусельный дед тянет рычаг до упора, механизм начинает сердито гудеть, лошадки, дёрнувшись, вращаются быстрее, теряя баланс

Карусельный дед. Псевдоноваторство! Повторяющее зады эстетского, формалистического искусства. Псевдоноваторство! Враждебное прогрессивной мысли глубокого реализма. Псевдоноваторство! Внедряющее мутный поток эстетских изысков и формалистических вывертов.

Псевдоноваторство! Прививающее рабочим нелепые, извращённые вкусы!

Мейерхольд. (*вцепившись в лошадку*) Что такое?!

Маяковский. (*чуть не вылетев из седла*) Ускоренный ремонт людей!

Карусельный дед. Коммунистическая партия! Срывает маски с буржуазной агентуры в искусстве. Коммунистическая партия! Даёт отпор разлагающему влиянию на культурном фронте. Коммунистическая партия! Расчищает дорогу для подлинного искусства страны социализма!

Мейерхольд. Меня здесь сильно укачивает.

Маяковский. Вниз не смотри! Равнение на возрастающие духовные запросы народных масс!

Мейерхольд. Это лжеударники, Володька!

Маяковский. В завтра, в пене, да здравствует Ле...

Мейерхольд. Пророк не убеждает! Это лжеударники...

Маяковский. Да твой пророк в зубах навяз! Что заладил!

Мейерхольд. Это ты в божницу века просишься!

Маяковский. Пусть я! Я-уродец! Последний глаз человека, идущего к слепым! Да потому что сам, шершавым языком плаката, все их чахоткины плевки вылизывал...

Мейерхольд. Плакат снял со стены - и забыл. А ты теперь больно напоминаешь о Земле обетованной...

Маяковский. Больно? Кому не больно? У меня самого до сих пор изо рта непрожёванный крик ногами шевелит! Когда больше нечего жевать, и звёзды селёдкой пахнут... Даже глина сожрана. Старик удушил старуху и ел частями, газеты молчали. А я стою у витрины цветочного магазина, и вижу по булке в каждом лепестке. Смотрю - фигурка человечья на меня идёт. С конской головой. Идёт и валится. Воткнула пальцы в ноздри, а глаза - мухи обсели. Из шеи - жила, из жилы - капли сеются... как медленное время. Время, хромой богомаз! Намалой меня, теми каплями присохлой... Хлеба, хлебушка, хлебца... Это сейчас - кто в глав, кто в ком, кто в полит, кто в просвет, от зава к замзаву... Забылось?!

Карусельный дед. Партии не страшны буржуазные интеллигенты! Интеллигентские группы и группочки! Установка партии - вести непримиримую борьбу с растленными буржуазными "измами"! С нагромождением кубов, плоскостей и прочих геометрических форм! С психопатологическими крайностями и пошлыми фантасмагориями!

Маяковский. (*обхватив голову*) Ангары поломанные, тысяча ясно видимых и жутких машин, взбешённая механика...

Карусельный дед. (*налегает на рычаг, карусель начинает искрить и разваливаться*) Под руководством Коммунистической партии и Советского государства...

Маяковский. Миллиарды поршней и колёс вздыхают по мне, и целуют, целуют ещё, вzasос, маслом и нефтью, ещё... Не смею... Противостоять... Извивающимся цистернам!

Карусельный дед. Идеино разгромлены и обезврежены все враждебные силы в области искусства!

Карусель рушится окончательно.

Мейерхольд и Маяковский выбираютя из обломков.

Маяковский. А ведь мне, Сева, знаешь, что действительно важно здесь и нужно? Увидеть, как Он бегаёт по небу, с моими стихами под мышкой - и задыхаясь, читает их своим знакомым...

Мейерхольд. Это не здесь.

Маяковский. Не здесь... А хочешь, расскажу, как я пишу стихи? Хожу и размахиваю руками, и мычу - помычиваю в такт шагам... Откуда-то приходит гул-ритм. Объяснить это нельзя - электричество... Некоторые слова отскакивают, и не возвращаются никогда. Другие задерживаются, переворачиваются, пока не станут на место... Вот, например, писал Есенину: "Вы ушли ра-ра-ра-ра-ра в мир иной. Может быть, летите ра-ра-ра-ра-ра. Ни

аванса вам, ни бабы, ни пивной. Ра-ра-ра ра-ра-ра-ра трезвость!” Что же это за ра-ра-ра проклятая? Что же вместо неё вставить? Вы ушли, Серёжа, в мир иной... Вы ушли бесповоротно в мир иной... Вы ушли Есенин, в мир иной... Всё дрянь! Поэтому я поставил слова – «как говорится». Вы ушли, как говорится, в мир иной!

Мейерхольд. Вот это хорошо.

Маяковский. Да, это хорошо.

Пауза.

Мейерхольд. Давно Есенина не видно. То являлся чуть ли не каждый день, всё буйствовал о Зине. И не было его с тех пор, как ездили с Зиной на гастроли.

Маяковский. Ты зачем вернулся, Сева?

Мейерхольд. Миша Чехов говорил мне тоже. Что возвращаться в Москву нельзя. Нас там погубят. Миша давно в эмиграции. Но я не могу, это дело чести... Это не честно, Володя, ты понимаешь меня. Я с гимнастических лет в душе моей ношу революцию, и всегда в крайних, максималистских её формах! Я сказал ему: “Я знаю, вы правы – мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь!” А Зина вообще орала, что это провокация... Провокация, как думаешь?... Володя?

Выстрел. Маяковский покидет землю.

Мейерхольд. ...Ты знаешь, Володя. Еще ребенком, я всё время толкался среди рабочих - и там, где они за работой на заводе, и там, где они харчуют, и когда на заводском дворе играют в городки... Летом, в деревне, в имении отца, целыми днями среди крестьян... Меня даже грудью кормила крестьянка. У матери молока не было, и взяли крестьянку... И привязанность к ней сохранилась...

Карусельный дед. Приказ Комитета по делам искусств при Совнарком СССР “О ликвидации Театра имени Всеволода Мейерхольда». 8 января 1938 года. Комитет по делам искусств признал, что театр имени Мейерхольда окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чуждым для советского зрителя.

Это выразилось в том, что.

Театр имени Мейерхольда в течение всего своего существования не мог освободиться от чуждых советскому искусству, насквозь буржуазных, формалистических позиций. В угоду левацкому трюкачеству и формалистическим вывертам, театр имени Мейерхольда давал в антихудожественном виде даже классические произведения русской драматургии, искажая их идейную сущность. В постановке пьес советской драматургии театр имени Мейерхольда оказался полным банкротом, давая

извращенное, клеветническое представление о советской действительности, пропитанное двусмысленностью и даже прямым антисоветским злопахательством. Ряд лучших актеров ушел из театра, изолировавшего себя от всей общественной и художественной жизни Союза.

Ввиду всего этого, Комитет по делам искусств при Совнаркомом СССР постановил: ликвидировать театр имени Мейерхольда как чуждый советскому искусству. Вопрос о возможной дальнейшей работе Всеволода Мейерхольда в области театра обсудить особо.

СЦЕНА 8.

*Совместное фото участников Всесоюзной режиссёрской конференции.
Мейерхольд по правую руку от генпрокурора.*

СССР, Москва, 1939 год. Трибуна.

Мейерхольд. Товарищи, мы собрались сюда для того, чтобы театральное искусство нашей страны, оцениваемое народом, нашим правительством, нашей партией, как искусство, находящееся на очень большой высоте, - мы собрались сюда, чтобы сделать его, это искусство, искусством, достойным сталинской эпохи!

Бурные аплодисменты

Мы собрались, товарищи, сюда и для того, чтобы, вскрыв корни ошибок формалистов, ещё и ещё раз сказать народу, правительству и партии - как мы в дальнейшем не должны этих ошибок повторять.

Бурные аплодисменты

Ленин учил нас работать при условии анализа своих ошибок, а товарищ Сталин дал мудрейшее указание: умеи улавливать свои ошибки, умеи показывать, как ты ошибался, умеи никогда своих ошибок не повторять.

Бурные аплодисменты

Наш вождь, наш учитель, друг трудящихся всего мира, служит нам образцом величайшей настороженности в отношении всех и всяческих ошибок на замечательном пути к величайшему счастью человечества - коммунизму!

Бурные аплодисменты

Нам, художникам ошибавшимся, нам, художникам, которые натворили немало бед тем, что за счёт угнанного в тень содержания занимались изошрением формы, любованием формы... Но посмотрите, что случилось?!

Нам, товарищи, и мне, и Шостаковичу, и Сергею Эйзенштейну - дана полная возможность продолжать нашу работу и в труде исправлять свои ошибки.

Бурные аплодисменты

Товарищи, скажите, где, в какой другой стране земного шара возможно такое явление?

Бурные аплодисменты

Товарищи, ваши хлопки, столь бурные, направлены сейчас не ко мне, а к нашему правительству! Нашей партии! Которая вдохновляет нас, художников, на великие дела в строительстве нового коммунистического общества! Эти хлопки направлены тому, кто создал условия для нас, ошибавшихся, в труде исправить свои ошибки...

Бурные аплодисменты

Товарищи, я считаю своим долгом раз и навсегда подчеркнуть мои ошибки, которым вы никогда, я надеюсь, не будете следовать. Я, как Мейерхольд, горячо выступаю против мейерхольдовщины! (*пробует перекричать бурные аплодисменты*) Во первых! Ошибкой было! Предлагать зрителю лабораторные опыты! Только неопровержимое, несомненное! И полезное человечеству...

Зал наконец затихает. Возникает подозрительно долгая пауза.

Мейерхольд. (*меняется в лице*) А вообще, что такое формализм по вашему мнению?.. Как вы называете то, что происходит сейчас в советском театре?.. Тут я должен сказать прямо: если вы считаете то, что происходит сейчас на сценах лучших театров Москвы, достижением советского театра, то я предпочту быть, с вашей точки зрения, формалистом. Ибо по совести моей я считаю происходящее сейчас в наших театрах страшным и жалким.

Неоднозначный гул в зале.

Там, где ещё недавно творческая мысль была ключом, где люди искусства в поисках, ошибках, часто оступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали - иногда плохое, а иногда и великолепное, там, где были лучшие театры мира, - там царит теперь, по вашей милости, унылое и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому ли вы стремитесь? Если да - о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули вместе с ней и ребёнка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство.

Совместное фото участников Всесоюзной режиссёрской конференции на страницах центральных газет.

По правую руку от генпрокурора режиссёр Попов.

СССР, Москва, 1940 год. Мейерхольд покидает землю.

Действие 4
Событие

СЦЕНА 9

СССР, Москва. 1940 г.

Пустая квартира на Брюсовом переулке.

В комнату резко влетает Есенин. Падает с грохотом на пол, как будто его толкнули в комнату силой. Встаёт, оправляется, шарит в полумраке.

Мейерхольд сидит на композиции из перевёрнутых стульев

Есенин. Наливай хозяин, крепче чаю!

Мейерхольд. В чём дело?

Есенин. Не спится мне, Сева. Такая лунность... Зина есть?

Мейерхольд. У меня есть. У тебя нет.

Есенин. Мы венчались!

Мейерхольд. Вы дрались.

Есенин. Это мной она бредила!

Мейерхольд. Это я был с ней в бреду.

Есенин. Я всё слышал – она птицей кричала: прощай, сказка моя!

Мейерхольд. И ревела в меня.

Есенин. Я был ей самым главным!

Мейерхольд. Самым страшным ты был.

Есенин. Ласкать и корябать, Сева – роковой дар поэта. Целовать – так до крови, до боли, до кончины!

Мейерхольд. Лупить – не целовать, Серёжа.

Есенин. А сам неужто не терзался, не маялся? У вас как в салонах, публично, гостей множество – а уж она не стесняла себя в кокетстве!

Мейерхольд. Моя воля была, чтобы после твоих зачуханных самоваров, она не стесняла себя ни в чём.

Сергей Е. Холодная твоя воля, Сева. Не что мой кипяток сердечный.

Мейерхольд. Брось красоваться. В кабацком угаре сам чёрт сердечный.

Есенин. *(смеётся, меняется в лице)* Чёрт? Да точно, чёрт! Мрачных сил наваждение - подсматривать, как истекающую соком суку лижут в очередь кобели! Молодую красивую дрянь! Даже не мной выпитую!

Мейерхольд. Так что же ты тоскуешь теперь о былом, которого не было?

Есенин. Большое видится на расстоянии.

Мейерхольд. Всего-то на расстоянии просцениума – от зрителя до блистающей примы. Но кто сыплет на неё звёзды? Кто окутывает её тюлями грёз?

Есенин. Видимо, тот, чьи руки свободны для игры с вещью.

Мейерхольд. Прислужники куромбо, одетые во всё чёрное, с чёрными покрывалами на лицах.

Есенин. Да будет тебе, не скромничай.

Мейерхольд. Чего мне, я свою работу знаю. Но ты не знаешь свою. Ведь, в итоге, всё совершается только при встрече со зрителем. Можно и не досказать многого, главное, не сказать лишнее - это все равно, что вынуть лампу из волшебного фонаря.

Есенин. (*задумавшись*) И точно?

Мейерхольд. Ты сам дорисовал намёки, Серёжа, вот теперь и ломишься в свой чайный град, в котором был ли - не был.

Есенин. Был, Сева, был. Уже потом, тайком от тебя.

Мейерхольд. Здесь ничего не может быть тайком от меня, потому что мои движения доведены до точности балета.

Есенин. Так ты знал о нас?..

Мейерхольд. О том, что вы сходились на квартире у Гейман? Терпел до последнего. Опять же, из соображений не стеснять её ни в чём. Пока не заметил, что вы можете сойтись окончательно. А этого нельзя было допустить - она бы снова сделалась несчастной.

Есенин. Ну конечно! Серьёзный, умный муж...

Мейерхольд. Да я же у тебя спрашивал! Ты сказал, чтобы я забирал её себе, и как можно скорее. Эту толстую кривоногую совслужащую, как выражаются твои друзья... (*приобняв Есенина за плечи, с сарказмом*) Сергун, что может быть ценнее настоящей дружбы?

Есенин. (*понуру*) Тебя так не качало, Сева. Твою опытную душу. Ты так не страдал.

Мейерхольд. Ты прав, Сергунька. Бывали моменты – я даже завидовал тебе, что не могу страдать точно так же! Перед твоим отъездом, например, мы собирались в гостинице, помнишь? Ты заперся с моей женой, вроде как, поговорить о детях - и страдал с ней очень долго! А я стоял по ту сторону запертой двери и тоже страдал. Но не так, как ты, конечно.

Есенин. (*вовсе поник*) Всем я виноват.

Мейерхольд. Что ты, что! Ты ангел, Сергунька!

Есенин. (*растерянно улыбаясь*) Вот и бабы говорят...

Порыв ветра распахивает окна, со стены падает портрет великой русской актрисы Зинаиды Райх. Мейерхольд и Есенин начинают неистово хохотать.

Есенин. (*подходит к картонной Зинаиде, удивленно*) Прибыла...

Мейерхольд. (*сквозь смех*) Помогите! Истекаю клюквенным соком!

Есенин. (*согнулся пополам от хохота*) О вечный ужас, вечный мрак!

Мейерхольд. Ах подруга упала ничком! Белым-бела, из картона была!

Есенин. Поди, побренчи теперь печальную гитарою!

Успокаиваются, досмеиваются.

Мейерхольд. Что, Серёжа. Скучно мы сидим.

Мейерхольд. приносит самовар, снимает сапог, ставит на стол - предлагает Есенину. раздуть угли. Есенин. достаёт из-за пазухи связкой бублички.

Есенин. *(раздувает самовар)* Знаешь, я всегда верил, что впереди есть что-то худшее. Мне было интересно, до чего доходит худо, где ему предел...

Мейерхольд. А что ж не дотерпел, Серёжа, не досмотрел конца? Ты, кстати, как туда залез?

Есенин. Сюда? Да просто, оказался.

Мейерхольд. Я про гостиницу. Тебя там даже в списках проживающих нет.

Есенин. А, на трубу как залез? Я не лез туда. Это Яшка повесил. Бедолага, как он злился. Вот же, человек - сделает, не подумавши, потом не знает, как выкрутиться. И так он меня, и сяк, к этой трубе пристраивал. А ремень- то короткий! Ещё эта вмятина на лбу – эка вломил, лободырь! Не надо и беса – коли жид здесь! А почто вломил? – только вид испортил. Потом этой вмятиной к трубе приставлял, а я, обмякши, разворачивался, а он, моркотник, матерился так смешно! Хотел, чтоб вроде как трубою лоб мне припекло, пока висел...

Мейерхольд. Допрашивали?

Есенин. Вообще-то, они меня выпить пригласили... *(не справляется с самоваром)* Лучины подкинь, что потоньше – тухнет, зараза.

Мейерхольд. *(подносит сосновых шишек)* Вот, запасал. На шишках-то бойче доходит.

Есенин. Бойче доходит, не долго горит. Берёзовой щепе в этом деле равных нет!

Мейерхольд. Яков, насколько я знаю, ходатайствовал за тебя – раз, а может и не раз?

Есенин. Ну ты видишь, Сева! Жид – что ворона, мужику не оборона. Всё до поры. Под одним Богом ходим, да не в одного веруем.

Мейерхольд. Ты и сам приводил террориста в общество, хвастался дружбой с ним: «А хотите ли, барышня, поглазеть на расстрелы в ЧК?...»

Есенин. Да я, в общем, всегда знал, с кем выпивал. Такая рулетка! Я же поэт Руси буйственной, великан могучий, гранит-гора! Я живу давно на всё готовым. Пою, зову на пир! Это Яша – кощей, хвастал, дрожал над чужой жизнью и смертью. Он страстно, как мальчишка, любил свой револьвер! И нравился мне, потому что был настоящим, до нелепицы, открытым подлецом!

Мейерхольд. А тебе, Серёженька, всё забава.

Есенин. Сам бы я ни за что. Мне же интересно было – до края дойти, видеть, где великое Худо живёт, где будет вершина всякой скорби. До подножия добрёл – там, не здесь! – за морем, где нету человека, а только жрут, и пьют, потом факстрот, и снова жрут. Я почти ничего не писал – и это, мне показалось, то самое и есть... *(прислушивается к самовару)* Чш, шумит...

Мейерхольд. Да разве?

Есенин. Точно. Послушай.

Вместе слушают, как закипает самовар.

Мейерхольд. Серёжа? Может, его просто нет.

Есенин. Кого?

Мейерхольд. Предела нет. Дурной сон, дурная бесконечность...

Есенин. *(вздыхает)* Свобода гибельная.

Мейерхольд. Гаси, гаси костёр!

Есенин. *(накрывает колпаком самоварную топку)* А что такое, Сева? Мы же трясли небо плечами, зыбили мрак, красноротые, широкоскулые, прыгали в космическую купель! Корявыми ручищами обрывали солнце – на лоскуты, себе на золотые барабаны! Революция на земле и на небе! Ты помнишь, Сева! Мы глазами видели, не бельмами! Чудо рождения пламени - в мужицких яслях... *(растерянно)* Потом эта стальная конница и храп железных ноздрей, а ты так и несёшься - живым конём, закидывая ноги к голове. И твоё поле, твоё живое, твоё всё – это просто мелькнувшая в окне обочина...

Мейерхольд. Живой, несёшься – хорошо!

Есенин. Уже потом, глянешь - лежат по улицам туши с рваными брюхами – кобылы корабли. С чёрными парусами – так над ними густо вороны вьются. Лежат, бесхвостые и смотрят весёлый сон – как гребутся, гребутся в страну грядущего...

Мейерхольд. На пир пришли кого не звали, Серёжа. Пока ты танцевал фокстрот.

Есенин. *(устало)* Заходили в больницу ко мне, спрашивали – кого я считаю достойным занять место Ленина.

Мейерхольд. Сообразил?

Есенин. То конечно, сразу смикитил - хоть Берендея вспоминай, лишь бы не Троцкого. А так, поди разбери, что им явь, что навь. Да мне и Ленин не икона... Ох и чадит мертвячиной над всей этой гульбой пропащей! В деревню заезжал – все сёстры комсомолки, в «Капитал» пальчиками тычут, как в святое Писание, и в меня потом: «Ты, Серёжа, коммунист?!»

Мейерхольд. А ты что думал, психов не судят?

Есенин. Что я думал, Сева? Сначала думал, как погромче Христовы штаны стянуть, потом искал, где потише богу помолиться. А теперь хожу мимо кладбища и думаю – отчего это мертвецы застыли с распростертыми руками, как в рукопашной? А это кресты подгнили...

Мейерхольд. Да ты подлей кипятку, остывает быстро.

Есенин. *(вдруг тревожно)* Сева!

Мейерхольд. Что такое?

Есенин. Зина есть?..

Спохватившись, оборачиваются на упавший портрет великой русской актрисы Зинаиды Райх.

По полу расползается большое тёмное пятно.

СЦЕНА 10

В комнате беспорядок, отражающий застывшие следы недавней борьбы. Разбросанные стулья, повёрнутая мебель, опрокинутые шufflingки, сорванные драпировки, измазанные. На полу – грязные разводы. Появляется Зинаида, суетливая и громкая. Пытается навести порядок – составить стулья, прибрать сорванные занавески – но всё, удивительным образом, валится из рук.

Зинаида. Это же дерзость неслыханная! Причём тут мои вещи? Причём тут мои вещи? Ордер выписан на твои вещи?! Мою сберкнижку забрали, ты представляешь?! Уму непостижимо! Дом вверх дном – конечно, я кричу, конечно, я ругаюсь! А что, я разве не права? Сева... *(оборачивается, замирает на секунду в ожидании, пока в комнату медленным тяжёлым шагом входит Мейерхольд. Затем опять принимается расставлять стулья, выпрыгивающие из рук, и тараторить возмущенно)*. А понятия? Где понятия, в конце концов?! Это что за самодурство – только дворник был! Они должны были пригласить ещё, другое постороннее лицо, чтобы их было два! Два посторонних лица, Сева! Впятером заявили – и ни один не знает регламента проведения обыска! Конечно я написала жалобу! И ничего смешного! А почему обыскиваемый не может обратиться с жалобой?! Обязанность советского государства – гарантировать права советских граждан от всяких случайностей! Вот, пусть будет им выговор или что...

Мейерхольд. Давно портьеры сняли?

Зинаида. *(в недоумении)* Они же выгорели. Их поела моль...

Мейерхольд. Так просторней.

Зинаида. *(пытается оттереть пятно на полу, безрезультатно, опять заводится)* Аномальные вещи, Сева! Аномальные! О чём это говорит?

Недостаток правового воспитания должностных лиц! Ордер на тебя выписан – по какому праву они рылись в моих вещах тоже? Они должны были рыться в твоих вещах! И рыться в твоём присутствии! Почему было не дожидаться тебя из Ленинграда?!

Мейерхольд. *(посмеивается)* Не тараторь! Береги тишину. Все делается в известный час, для сохранения порядка.

Зинаида. *(переводит дух, вопросительно смотрит на Мейерхольда)* Порядка?.. Так ведь всё равно потом на Лубянку...

Мейерхольд. Если ты так хорошо знаешь, что потом – то зачем были эти письма?..

Зинаида. Письма... какие письма?

Мейерхольд. Письма, да! Твои письма Великому Вождю. Я же просил тебя – не отправлять. И один раз, и другой. Ты зачем это?

Зинаида. Нет, не письма! Ты же сам говоришь – пришел известный час!

Мейерхольд. Да, но он приходит, когда последняя песчинка просыпается в нижний сосуд. А ты сделала это тайком от меня!

Зинаида. Сева, ты не прав! Его так бесконечно, бесконечно обманывают, скрывают и врут! И он сам обращается к массам, и это правильно, и я для него тоже голос массы! И хорошее, и плохое – он должен выслушать всё и сам разобраться, что верно, а что нет... Ничего враждебного в моих письмах, я же писала, я так чувствую! Вот... *(Достает и разворачивает письмо)*

Мейерхольд. Я хорошо помню их, не трудись.

Зинаида. Нет, ты послушай теперь! Ты должен изменить своё мнение! *(читает)* «...Я вам пишу больше года в своей голове, я с вами спорю все время в своей голове... Я доказываю вашу неправоту!»

Мейерхольд. Кому ты хочешь доказать его неправоту? Зодчему коммунизма?

Зинаида. Но я же не говорю ему прямо, в лицо: «Вы не правы!» Я говорю, что доказываю его неправоту в своей голове. То есть, что в моей голове происходят споры, и они всегда заканчиваются...

Мейерхольд. Неправотой вождя.

Зинаида. Я пишу – я так чувствую! Он сам говорил, что нельзя отрывать язык от мышления! Вот я и не отрываю! «...Вы правы по тому закону, который сами себе поставили – и в этом ваша сила – и я ее признаю...»

Мейерхольд. Ну конечно! Признание чистосердечное!

Зинаида. Да, признаю! И что теперь?!

Мейерхольд. Как что? Пой!

Зинаида. Петь?!

Мейерхольд. Да, спой вот это, моё любимое: «...Я дочь рабочего, я верю в свой классовый инстинкт!»

Зинаида. Ты не любишь, когда я пою.

Мейерхольд. *(кричит)* Пой! У Мейерхольда все актеры музыкальны!

Зинаида. *(Поет дрожащим голосом)* Я дочь рабочего, я верю в свой классовый инстинкт... Почему я тебя слушаюсь...

Мейерхольд. Ты меня не слушаешься. Ты пишешь письма Великому Вождю и назначаешь ему свидания.

Зинаида. Но ты тоже писал ему! И просил о свидании! Об исцелении!

Мейерхольд. *(усмехается)* Видишь, у Сталина не бывает неотвеченных писем!

Зинаида. Интересно, как надо написать, чтобы он согласился?

Мейерхольд. *(смеётся)* Со своей неправотой? Ох, не знаю, что может быть убедительнее твоих слов...

Зинаида. На встречу! Поговорить обо всём лично. Я действительно верю в его чуткость!

Мейерхольд. Тогда почему ты пишешь, что у него дурной вкус?

Зинаида. Ты любишь переиначить! Я не говорю, что вкус дурной, а говорю, что не стоит ему следовать...

Мейерхольд. То есть, ты, дочь рабочего, руководствуясь классовым инстинктом и верой в чуткость вождя, рекомендуешь Сталину не следовать его собственному вкусу. А почему?

Зинаида. Почему... Почему ты всё искажаешь...

Зинаида готова расплакаться. Мейерхольд подходит близко к ней, обнимает крепко.

Мейерхольд. Это кто тебя нашёл потом?

Зинаида. Что. Кто?

Мейерхольд. Раненую.

Зинаида. Наш дворник. Он влез в окно, проверить, всё ли кончено. Всё уже заканчивалось. Только очень долго... Я сказала, чтоб меня оставили уже. Но это меня удивило - что он появился через окно... *(Вжавшись в Мейерхольда, глухо)* А нож был кривой. Представляешь? Они же не взяли ничего – драгоценности, шкатулки все на месте, не трогали. Это странно.

Мейерхольд. Что здесь тебе странно?

Зинаида. Мне странно, почему такой кривой нож. Зачем брать кривой нож, когда идешь определенно убить человека? Не что-то взять, не диадемы... А чтобы вот так... резать, как свинью. Ты знал обо мне?

Мейерхольд. Да, мне сказали. Мне даже показали.

Зинаида. Сыну тоже показали. Он потерял сознание. А дочери показали этот кривой нож... А тебе - неужели тебе не кажется это странным? Ведь можно взять ровный нож - и один раз верно ударить - а не двадцать раз - куда попало - куда надо все равно не попало – помирала сама, потом глаза выкололи, чтоб не тарасила...

Мейерхольд. *(трясет ее за плечи, перебивает)* Да что! Что такое?? Давай уже уберем весь этот бардак! Что сервант здесь делает?

Зинаида. Они его двигали, задвигали кабинет, когда опечатывали. Потом пришли опять, вроде что-то забыли, отодвинули опять. Подвинули-отодвинули, задвинули – передвинули... Ах, Сева, пока тебя не было, мы натерпелись от этих хамов! У меня опять начались срывы, сейчас жалею – зачем я срывалась? Ведь никто не поверил, никто не пришел помочь! Она всегда кричит, когда у нее срывы – и сейчас она кричит как всегда, и вероятно бросается на мебель...

Мейерхольд. Великая русская актриса.

Зинаида. *(задумалась)* А знаешь, всё это было приятно.

Мейерхольд. *(смеется)* Я, право, не думал, приятно это или нет. Просто хотел, чтобы ты играла во всех моих спектаклях... Ты слушаешь?

Зинаида. Да.

Мейерхольд. Наступит событие.

Зинаида. Ты ждешь?

Мейерхольд. Жду.

Зинаида. Кто среди нас? Кто в окне? Кто за дверью?

Мейерхольд. Не видно ни зги...

СЦЕНА 11

Мейерхольд и Зинаида у зеркала, в котором они не отражаются. Вокруг расставлены и развешаны пустые рамы.

Зинаида. Наши гости всегда так удивлялись этим рамам.

Мейерхольд. Наши - удивлялись ещё не написанным картинам. Рамам удивлялись чужие.

Зинаида. Как много всегда было гостей, и пусто теперь... На мой день рожденья вообще никто не пришёл. Это из-за твоего ареста!

Мейерхольд. Прости, что так вышло. Я предчувствовал, и не сказал тебе.

Зинаида. Что ты мог мне сказать?

Мейерхольд. Две чёрные крысы бросились мне под ноги, когда я уходил.

Зинаида. Я всё равно испекла твой любимый пирог с капустой. И ждала, что кто-нибудь придёт. Что ты тоже вернёшься.

Мейерхольд. За секунду до смерти.

Зинаида. Ты приготовился?

Мейерхольд. Как я мог подготовиться? Я никогда не был шпионом, троцкистом, никогда не занимался контрреволюционной деятельностью!

Зинаида. Нет, сейчас. К событию. Вот я надела свою любимую кофточку с нотками - помнишь её?

Мейерхольд. Зина, мы так много одежды заказывали для тебя из Франции, я не могу помнить всего.

Зинаида. Но это важная кофточка! Неужели не помнишь? Мне надо было как-то ободрить себя, когда закрыли наш театр... А когда тебя взял к себе Станиславский, я подумала: вот, мой муж идёт работать в оперный - значит, мне нужна кофточка с нотками!

Мейерхольд. Станиславский... Он поддержал меня больше всех. И так скоро ушёл. Я плакал, как мальчишка, потерявший отца, мне хотелось убежать одному, далеко от всех...

Осторожный скрип двери, тихие, но тяжёлые шаги

Зинаида. Чш-ш... Это он. Он всё-таки пришёл.

Мейерхольд. Ты знала?!

Зинаида. Конечно, он не мог не прийти. Только не волнуй его, и сам не волнуйся! Он должен был прийти, конечно. Я же звала, я писала! Это такой роман. У каждого свой роман с ним...

В комнату не спеша, попыхивая трубкой, входит Отец Народов. Мейерхольд начинает метаться, Зинаида удерживает его. Отец Народов подходит к зеркалу, в отражении оправляется.

Мейерхольд. Величайший из людей! Дорогой и любимый товарищ! Надежда мира! (*Зинаида пытается зажать ему рот*) Солнце правды! Свой каждый вздох отдаю тебе! (*вырывается, бросается к Отцу*) Меня там били, Великий

Вождь! Больного шестидесятилетнего старика - били! Клали на пол лицом вниз! Резиновым жгутом били по пяткам и по спине! Садил на стул, той же резиной били по ногам, сверху, с большой силой, и по местам от колен до верхних частей ног... В следующие дни, по этим красно-синим-желтым кровоподтекам, по кровоизлияниям - снова били! Били снова этим жгутом! И боль была такая, что казалось, лили крутой кипяток... *(плачет)* Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты... *(Зинаида обнимает мужа)* Жена моя, мать моя, друг, сестра моя...

Сталин не видит Мейерхольда. Постояв возле зеркала, отходит, оглядывает комнату, стирает пыль с граммофона, включает фокстрот.

Отец Народов. Иногда можно услышать вопрос: "Нужно ли таким великим людям, как большевики-ленинцы, заниматься мелочами - тратить время на критику формалистической музыки. Пусть этим занимаются психиатры". В такого рода вопросах звучит непонимание роли в идеологических диверсиях против нашей страны! Ведь при помощи музыки пытаются выступить против принципов социалистического реализма! Такого рода, с позволения сказать, музыка создается на ритмах, заимствованных у сект "трясунов", "танцы" которых, доводя людей до экстаза, превращают их в неуправляемых животных, способных на самые дикие поступки. Такого рода ритмы создаются при участии психиатров, чтобы воздействовать на подкорку мозга, на психику человека. И человек уже ни о каких светлых идеалах думать не может, превращается в скота. Его бесполезно призывать к революции, к построению коммунизма. Как видите, музыка тоже воюет... *(убирает пластинку)*

Мейерхольд. *(рвётся к Отцу)* Не будешь писать - будем бить опять! Оставим нетронутыми голову и правую руку - остальное превратим в кусок бесформенного окровавленного тела!

Зинаида. Сева, он не слышит...

Мейерхольд. Это вызвало во мне такой чудовищный страх, натура моя обнажилась до самых корней! Унижением и болью вырвали мое признание! Там нет ни единого слова правды!

Зинаида. Севка, Севочка, люблю, как жизнь!

Мейерхольд. *(сорванным голосом)* Кого?! Кого ты любишь, Зина?! Я изменник Родины, враг народа, я — шпион, троцкист! Я — контрреволюционер, я на театре проводил враждебную работу! Подрывал основы академических театров! Которые под защиту были взяты самим Лениным! Основы вообще всего советского искусства подрывал!

Зинаида. Солнышко! Сын Солнца! Ты же прекрасный оптимист, язычник жизни...

Мейерхольд. Я виновен. Признаю себя виновным в предательских вожделениях. Я неоднократно вёл озлобленные разговоры против руководителей партии и правительства. С Борисом Пастернаком, Николаем

Эрдманом... И слышал как Шостакович не раз выражал свои озлобленные настроения против советского правительства!

Зинаида. Хватит... Дима Шостакович сколько жил у нас...

Мейерхольд. Нет, это ещё не всё, Зиночка, чего ты не знаешь обо мне! Как мы с Эренбургом, Пастернаком и Олёшей готовили террористов, которые бы занимались физическим уничтожением руководителей партии и правительства...

Зинаида. Олёша, твой преданный ученик...

Мейерхольд. А я, видишь, не преданный. Потому что главной целью нашей организации и всей моей жизни (*орёт, обращаясь к Отцу Народов*) было свержение советской власти!!!

Зинаида. Севочка, он не услышит...

Мейерхольд. Вот как всё обнаружилось. Ещё обнаружилась способность извиваться корчиться и визжать, как собака, которую плетью бьет хозяин...

Зинаида. Ты просто посмотри, посмотри на него...

Отец Народов подходит к стене с пустыми рамами, некоторое время озадаченно смотрит на них. Потом лицо его проясняется счастливым и мудрым решением. Отец достаёт из-за пазухи стопку фотокарточек самого себя и распределяет их по рамам.

Мейерхольд. (*переходя на шепот*) А вот что интересно, Зиночка. Нервные ткани, оказалось, совсем близко к телесному покрову! А кожа оказалась такой нежной и чувствительной, как у ребенка, а глаза оказались способными лить слезы потоками... Допрос длился 18 часов, я потом заснул на час - до следующего допроса, и меня разбудил собственный стон. Значит так надо. Значит, правительству показалась недостаточной назначенная мне кара - закрытие театра. Значит, я должен претерпеть еще одну, вот такую... Значит, так надо... Меня подбрасывало на койке, как бывает с больным, погибающим от горячки... Смерть, о, конечно! смерть легче этого! И на этом последнем допросе дописал, что скрыл от следствия одно важное обстоятельство! Что являюсь еще и агентом японской разведки...

Зинаида. Всё хорошо. Мы вместе, мы дома. Мы дождались!

Мейерхольд. Ты молодец, что написала ему!

Зинаида. (*любуюсь Отцом Народов, который любит множеством собственных портретиков*) Теперь ты понимаешь? Это было как озарение, такая ясная мысль. Я почувствовала, что это нужно сделать, пришёл важный момент...

Отец Народов. Из сотен приветствий я отвечаю только на одно-два. В девяти десятых этих приветствий — действительно полная безвкусица! И мне они доставляют неприятные переживания. Я хотел бы по-человечески объяснить, откуда такой безудержный, доходящий до приторности восторг вокруг моей персоны. Видимо, у нас в стране удалось разрешить большую задачу, за которую поколения людей бились целые века — освобождение от эксплуатации. Видимо, разрешение этой задачи вызывает огромный

восторг. Слишком люди рады, что удалось освободиться от эксплуатации. Буквально не знают, куда девать свою радость. Очень большое дело— освобождение от эксплуатации, и массы это празднуют по-своему. Разводят вокруг меня костер восторгов телячьих. Хотели по поводу моего 55-летия поднять празднование. Я провел через ЦК ВКПб запрещение этого. Стали поступать жалобы - что я мешаю им праздновать, выражать свои чувства! Другие говорили, что я ломаюсь. Как воспретить эти проявления восторгов? Силой нельзя. Есть свобода выражения мнений. Можно просить по-дружески. Трудно помешать выражать свою радость. Жалко принимать строгие меры против рабочих и крестьян. Очень уже велики победы! Помещики и капиталисты изгнаны, рабочие и крестьяне — хозяева жизни. Приходят в телячий восторг. Это проявление известной некультурности. А то, что некоторых людей за границей это огорчает— тут ничего не поделаешь. Культура сразу не достигается. Культурный подъем идет медленно. Восторги растут бурно и некрасиво.

СЦЕНА 12

СССР, Красная площадь.

Парад открывает спортивно-показательное выступление “Орденосный комсомол”. Выход с песней.

Зазывала. Плещутся знамёна! Красная юность размашисто марширует в колоннах! Катится в «рейнских колёсах»! Замирает в многоярусных пирамидах! Колхозник, будь физкультурником! Закаляйся как сталь! Будь сильным, мужественным, ловким, смелым! Таким тебя хочет видеть Родина!

Эпизод: “Восстановление народного хозяйства”. Поточные упражнения на конструкции.

Никаких украшений! Только красные флаги! Никаких пауз, психологии и переживаний! Все в белых шортах, с гладко выбритыми головами, смуглые от загара! С совершенными телами и здоровым внешним обликом! Здоровый рабочий - лучшая опора диктатуры пролетариата!

Эпизод: “Строительство метрополитена”. Спортивно-акробатический танец мужчин.

Бронза мускулов, свежесть кожи! Какая прекрасная молодость! Как не восхищаться страной и режимом, способным такую молодежь создавать! Сальто на высоте два человеческих роста! На гимнастических снарядах, в спортивной белой обуви! Это здоровое, жизнерадостное поколение, готовое к труду! А сколько ещё счастливых людей родится под советской звездой!

Эпизод: “Трудовые резервы”. Упражнения женщин с булавами.

Это не просто всесоюзный смотр физкультурной работы, это — новый вид искусства! Монументального, грандиозного! Театр коллективного энтузиазма! Выражение надежд, проклятий и всех эмоций народа! Здесь неорганизованные массы сливаются с организованными! Здесь гимнастические булавы превращаются в раскрывшиеся головки хлопка, а шесты становятся вёслами с цветными лопастями! Заклинание весны и солнца, торжество власти трудящегося мира! Свободное творчество масс!

Эпизод: “Цвети, наша молодость!” Гимнастические упражнения, напоминающие трудовые процессы на производстве.

Локомотивы четырёх частей света спешат в Москву! На площади Географии грандиозный Глобус - на нём разыгрывается мировая революция! Сверху даётся лестница, по ней, в прибое молодой энергии, спускаются члены Совнаркома...

Эпизод: “Мы - молодые рабочие страны!” Производственная гимнастика в темпе стометровки, на новых, более совершенных станках и конвейерах, построенных из самих участников.

Слово о Первом Мае, сигнал заводских гудков! Залпами пушек отзывается Кремль! Призыв и отдача! Отдача-призыв! Нужно быть глухим, чтобы не услышать грохота современности! Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как быстро раздвигаются границы мира!

Эпизод: “Молодость нового мира” Построение трёхэтажной акробатической пирамиды, переходящей в живой мост, по которому проносят портреты членов Совнаркома.

Далее вольные упражнения мужской и женской групп.

Праздничный салют.